

Раздел I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК 81'23 (075.8)

DOI: 10.15593/2224-9389/2019.4.1

**П.П. Дашинимаева¹, Л.Ц. Санжеева¹,
Н.В. Языкова²**

Получена: 14.11.2019

Принята: 27.11.2019

Опубликована: 09.01.2020

¹ Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова,

Улан-Удэ, Российская Федерация

² Московский государственный педагогический
университет, Москва, Российская Федерация

ПЕРЕВОД СКВОЗЬ ПРИЗМУ РЕЛЯТИВИЗАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ ИСХОДНОГО ТЕКСТА: ОТ ОБОБЩЕНИЯ К АТОМАРНОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Тема обусловлена актуальностью разработки вариантов моделирования объекта научного интереса в рамках современных междисциплинарных методологий фундаментализации научных установок, согласно которым предлагается рассматривать объект как живую и открытую систему. В переводоведении это означает отказ от традиционно-прикладного лингвистического характера описания опосредования межкультурной коммуникации. На основе постулируемой идеи нетождества концептуального содержания обыденного сознания носителей культур авторами делается попытка представить алгоритм смены традиционного подхода «стереотипизация представления другой культуры» атомарным подходом выявления уникальных ориентиров картины мира адресанта через призму психолингвистических экспериментальных данных. В качестве иллюстрации представлены фрагменты результатов эксперимента, проведенного в 2018 году по комплексной методике экспликации этнического самосознания бурят с участием 226 респондентов разных поколений, которые могут быть приняты в качестве потенциальных представителей исходной культуры. Многоступенчатая методика интегрирует 13 заданий определения самосознания, нацеленных на контент-анализ и методику семантического дифференциала Ч. Осгуда, где ключевым заданием является модифицированный вариант пятиуровневого психосемантического эксперимента, предложенного В.С. Мухиной. В качестве иллюстрации к теоретическим идеям об актуальности перехода к новой методологии «от стереотипизации к атомарности представления концептуального содержания автора исходного текста» предлагается сопоставить обобщенно-совокупную картину мира этноса, сформированную из реакций данных участников, и индивидуально-уникальное восприятие мира современной писательницы Н. Отмечается, что полученное таким образом индивидуальное концептуальное содержание подлежит дальнейшей релятивизации для соответствующего декодирования контекстуальных переменных, то есть встраивания в моделирование ментальной части переводческого процесса.

Ключевые слова: перевод, обобщение, атомарность, релятивизация, психолингвистический эксперимент.

**P.P. Dashinimaeva¹, L.Ts. Sanzheeva¹,
N.V. Yazykova²**

Received: 14.11.2019

Accepted: 27.11.2019

Published: 09.01.2020

¹ Banzarov Buryat State University,
Ulan-Ude, Russian Federation

² Moscow City University,
Moscow, Russian Federation

ORIGINAL CONCEPTUAL CONTENT RELATIVIZATION IN TRANSLATION: FROM GENERALIZATION TO MONADIC REPRESENTATION

The relevance of the paper topic is due to the crucial need for modeling options development within the framework of modern interdisciplinary methodologies. To be in line with the tendency is to get settings and conceptions fundamentalized considering the object as a living and open system. In the field of translation studies it means rejection of a traditionally applied linguistic description of intercultural communication mediation. As the initial point of research the authors postulate non-identity of the conceptual content of cultural bearers' everyday consciousness. Due to this idea they suggest a change of the approach "stereotyping a culture representation" for the monadic identification of unique landmarks of the addressee's world through psycholinguistic experimental data. The illustrations provided show fragments of the experiment results obtained in 2018 to have explicated 226 different age respondents' unique ethnic self-consciousness, the latter taken as potential representatives of the original culture. The multi-stage experiment methodology is aimed at determining one's self-awareness, and integrates 13 tasks from the content analysis and Ch. Osgood's semantic differential to a modified version of the five-level psychosemantic experiment proposed by V.S. Mukhina. Further on, to illustrate transition to the new methodology "from stereotyping to atomic representation of the source text author's conceptual content" the data of two kinds are opposed: the aggregate picture of the ethnos world up the participants' responses, and the unique worldview of the modern writer N. The authors claim that the differential content thus experimentally obtained is subject to get relativized in the context variables decoding, the final data to be integrated into a further modeling of translation process in its mental part.

Keywords: *translation, generalization, monadic/atomic, relativization, psycholinguistic experiment.*

Введение

Как показывают современные научные исследования, гуманитарная, в том числе лингвистическая, наука сегодня находится в поисках новых, сближающих смежные области знания, методологий. Исходным пунктом фундаментализации научных установок, по-видимому, является ревизия методологии на предмет соответствия научным принципам (детерминизма, предметности, дополнительности описания, интердисциплинарности), что в итоге обеспечивает такую достоверность, которая позволяет представить единство дескрипции и прескрипции.

Несомненно одно: пересмотр подходов в лингвистике должен быть нацелен на аналитическое воспроизведение целостности объекта, что требует не дистанцирования от объекта исследования «речевое поведение» на большее расстояние, а, наоборот, ухода от макрообобщений в сторону соблюдения принципа атомарности для того, чтобы вектор видения системы шел изнутри вовне. Разумеется, данный методологический вектор является эпистемологией

в этнопсихологии, проявляясь, в частности, в релятивистском подходе к культуре, способствующем развитию межкультурной сензитивности [1, 2]. Так, основные идеи данного подхода активно внедряются в методике обучения иностранным языкам в вузе как технология релятивизации национальных стереотипов, предполагающая последовательную смену этнодифференцирующего, этноинтегрирующего и этнорелятивирующего этапов [3, 4].

Переводческий семиозис: новые методологические установки

В заданном нами случае речь пойдет о переводческом опосредовании межкультурной коммуникации – явлении, в котором задействовано множество факторов большой величины, прежде всего – контактирующие языки-культуры со всеми вытекающими взаимоисключающими классами схем и образов мышления и познания. Максимализм задачи переводчика в опосредовании образов и схем сводится к их «примирению»: получатели не должны остаться в ощущении чего-то глобально непонятого в аспекте восприятия внешнего мира носителями другой культуры. Если представить работу переводчика в виде механической передачи содержания сообщения представителя первой культуры носителю второй, можно постулировать, что переводоведение является прикладной наукой, поскольку и теоретик, и практик для решения поставленной задачи пользуются исключительно знаниями лингвистики, культурологии и социологии (здесь не берем во внимание те области знания, откуда черпаются темы исходных текстов).

Однако примирение языков-культур не решается столь автоматическим путем: этап основной – ментальной – деятельности переводчика, в процессе которой и выполняется эта амбициозная задача, является тем самым эпистемологическим звеном, обеспечивающим науке некий *элемент* фундаментальности (как известно, вторая отличается от первой нацеленностью на формирование нового знания, которое создается в недрах самой науки). Подкрепляет данное наше убеждение живой, динамический, открытый характер ремесла, заключающегося в сведении воедино трех плоскостей умственной работы – адресанта, переводчика и адресата.

Данный подход требует принять тезис о том, что сегодняшняя лингвистика есть психолингвистика. Технологически эту ситуацию, напомним, хорошо понимали лингвофилософы, чьим работам были присущи психологизм и атомарность, выработанные рефлексивным методом исследования – интраперцепцией. Ведь В. Беньямин, Г. Гадамер, Ж. Деррида, П. Рикер и другие выдающиеся феноменологи прежде всего слушали себя и регистрировали свои ментальные процессы, обрабатывая результаты в виде обобщений об условиях непереводаемости:

- неспособность передачи всей полноты смысла оригинала языком перевода: вместо тесного единства «кожуры и фрукта» получается «королевская мантия с широкими складками» [5, с. 33–42];

- отсутствие среды оригинального смысла, в результате чего смысл переводного текста – яснее, но примитивнее [6];
- невозможность вырваться из плена интерпретационных сетей, которые присущи когниции переводчика [7];
- присутствие промежуточного этапа в виде третьего текста – внутреннего перевода [8].

Таким образом, атомарность описания переводческого опосредования межкультурной коммуникации изнутри означает моделирование процесса с фокусом на ментальной части декодирования и перекодирования. При этом отправной точкой понимания переводческого семиозиса является принятие аксиомы о том, что в естественной коммуникации участники (де) кодируют не словарные ярлыки, а стоящие за ними концептуальные сущности, индивидуализированные личностными вкраплениями и исправлениями, что свидетельствует о том, что на атомарном уровне не существует тождественной универсальной когнитивной обработки или интериоризации внешнего мира в сознании человека: социальные и эмоциональные переживания, предопределенные морально-этическими ориентирами субъекта, уникальны. Этот подход отрицает ортодоксально-лингвистическую практику моделирования горизонтального перевода – двухмерный способ корреляции вербального знака оригинала и знака целевого текста.

В работах современных теоретиков перевода, постулирующих подобный когнитивно-психологический подход (Ю.А. Сорокин, О.В. Казакова, А.Н. Крюков, В.И. Хайруллин, Н.Л. Галеева, В.И. Ермолович, И.Э. Клюканов, А.Г. Минченков, Н.Л. Галеева, Л.В. Кушнина, Н.М. Нестерова, В.М. Жигалина и др.), признается, что овнешнение мысли происходит на последнем этапе семиозиса, а это означает, что до этапа вербализации в голове адресанта происходила активная ментальная деятельность, которую и следует переводчику пытаться дешифровать.

В современных условиях легкого доступа к базе данных задача определения переводчиком способов мышления-познания носителей исходной и целевой культур становится вполне решаемой. Так, для экспликации фрагментов мировоззрения, которое *не* является чем-то дискретно-наблюдаемым или строго объясняемой субстанцией, можно обратиться к данным ассоциативных экспериментов, пытаться сформировать целостное восприятие иной картины мира по критерию «отличное от нашего мировоззрения» и активировать это понимание в процессе перевода. Подобный подход актуализирует методологию изучения обыденного сознания носителей другой культуры в рамках вертикального алгоритма перевода «3D», тем самым отчетливо представляя, ЧТО стоит за слогом адресанта.

Главный урок, который извлекается будущим переводчиком из этого подхода, состоит в том, что в телах языковых знаков актуализируются не

лексикографические значения, а концептуально-ассоциативные единицы обыденного сознания. Толкования-обобщения, представленные в словарях, как известно, являются продуктом обобщения работы научного ума, которые пребывают в голове говорящего/пишущего по умолчанию в виде предзнания, а не актуализируемой в момент речемышления сущности.

Второй урок переводчику освоить намного сложнее, поскольку он касается умения разграничивать способы поведения носителей другой культуры от причин-оснований, которые формируют эти способы. Если первые, как правило, так или иначе отражаются в предметном содержании отправляемого сообщения, вторые являются ментальными установками, соответственно, выступают имплицитной составляющей, некоей невидимой канвой смысла-значимости исходного текста. Речь, конечно, не идет об известных стереотипах поведения большинства носителей, наоборот, их релятивизации посредством вскрытия ориентиров миропонимания индивидом.

Стереотипное знание о ритуалистическом поведении носителей второй культуры является хорошим фундаментом, настраивающим переводчика избавляться от иллюзии тождества восприятия мира и обратиться к индивидуальному – уникальному – сознанию адресанта текста. Благодаря предварительному сбору внешних сведений об авторе и соответствующему индуктивному заключению о его внутренних установках переводчик пытается спрогнозировать социально-личностные и психотипические характеристики адресанта. В результате автор предстает не как один из стереотипного большинства, а как типичный, среднетипичный или вовсе не типичный индивид, но обязательно с уникальными ориентирами поведения. Последние явно или опосредованно проявляются, в частности, в психолингвистических экспериментальных данных как нечастотные реакции.

Почему именно важно идентифицировать психотип адресанта, хорошо сказано у Ю.А. Сорокина. По его мнению, в переводе как деятельности по интерпретации наиболее важной частью является идентификация психотипа отправителя (об одной из попыток выявления «психотипического подобия» в [9]), позволяющая двум отдельностям – автору и переводчику – истолковывать друг друга, опираясь на *инвариантные* свойства своих речевых и неречевых программ, выявляя «соотношение проговариваемого и недоговариваемого в переводном тексте», которое является «показателем успешности освоения чужой когнито- и когниосферы» [10]. Ментальные поиски подобного рода предваряются или сопровождаются преломлением в сознании реципиента-переводчика – явлении, получившем в учении А.Ф. Фелелова название «этносемантическая рефракция». Это переводческая реакция на свойства принимающей этнолингвокультурной среды, позволяющая оценить «однотипные объекты, понятия и сущности мира при их перемещении в иную

культурную среду» и, исходя из этого, направлять выбор той или иной переводческой стратегии для соблюдения «приемлемого баланса формы и содержания исходного текста» [11, с. 60–61].

Обсуждение. Иллюстрации теоретических идей бурятским материалом

Представим, что контактирующим в межкультурном посредничестве является бурятский язык, а это значит, что переводчику следует прежде всего уметь идентифицировать психологический тип буряты. В рамках терминологии Карла Юнга типичный бурят – интроверт, то есть больше ориентирован на внутренний, чем на внешний, мир, потому он замкнут и немногословен, соответственно, его сообщения имеют плотный формат (по Коулу – высококонтекстный характер). Если далее углубляться согласно дробной классификации 12 характерологических типов М.Е. Бурно [12], преобладающим является замкнуто-углубленный аутистический тип с чувственно-образной доминантой, на что косвенно указывают результаты комплексного экспериментального исследования, проведенного в сентябре-ноябре 2018 года по определению структуры и содержания этнического самосознания бурят [13, с. 58–86]. Методика определения самосознания включает тест установки личности на себя «Кто Я?» и 13 заданий определения самосознания, нацеленных на контент-анализ и методику семантического дифференциала Ч. Осгуда, где ключевым заданием явился модифицированный вариант пятиуровневого психосемантического эксперимента, предложенного В.С. Мухиной [14, 15].

Далее для реализации атомарного подхода к выявлению внутреннего мира индивида следует релятивизировать данный доминантный психотип усредненного носителя культуры относительно автора исходного текста. Для примера представим анкетную часть данных, полученных от современной бурятской писательницы N, чьи произведения сегодня активно переводятся на русский язык.

I. *Кто вы?* Гражданин мира.

II. (1) *Знаете ли вы бурятский язык?* Да.

(2) *Каковы традиционные ценности бурятского народа?* Бурятский язык, обычаи и традиции этноса.

(3) *Воспринимаете ли себя представителем своего этноса?* На все 100 %.

(4) *Подходит ли вам ваше имя как представителю этноса; имеет ли имя отношение к этническому статусу человека?* Очень подходит (в переводе с тибетского языка означает «алмазная дакия, плывущая по небу»); имеет самое непосредственное отношение.

(5) *Нравится ли вам ваша внешность? Обязывает ли внешность знать язык предков?* Да. Внешность должна нравиться человеку, поскольку он сам излучает ее изнутри. Не внешность обязывает знать родной язык, а генная память и этническое самосознание.

(6) *Насколько вы идентифицируете себя бурятской женщиной?* На все 100 %.

(7) *Есть ли у вас желание получить признание со стороны знакомых, группы, республики, страны, международного сообщества?* Да: следует поднимать имя своего этноса на разных уровнях – от семьи до международного сообщества.

(8) *Увеличивают ли потенциал социального признания знание бурятского языка и традиционно-бурятские предписания и ориентиры поведения?* Одно обуславливает другое, потому между ними надо ставить знак равенства.

(9) *С каким временем больше соотносите свое «Я» – с прошлым, настоящим, будущим?* Сакральный смысл прошлого, осознаваемый в настоящем, растет по мере накопления взрослого опыта. В этом процессе бурятский язык служит неким проводником между мной и Вселенной.

(10) *Влияет ли на выполнение обязанностей гражданина этноцентрированное, «бурятское» поведение?* Влияет напрямую.

(11) *Помогает ли этноцентрированное, «бурятское» поведение в отстаивании прав гражданина?* Скорее, да.

(12) *Согласуется ли универсальное поведение современного гражданина в обществе с традиционными ориентирами /ценностями?* Должно согласоваться, поскольку традиционно-бурятское обогащает общую картину бытия, выступая как новая волна, или как другой цвет радуги.

(13) *Согласны ли вы с буддийской идеей о том, что праздная речь, пересуды следует считать пороком?* Вне сомнения, праздная речь – порок.

Сравнение среднесовокупного и индивидуального результата указывает на очевидную уникальность картины мира данной испытуемой, что не позволяет идентифицировать ее в качестве прототипического адресанта по следующим измерениям:

- расширение пространства психологического «Я» до общепланетарного масштаба на фоне слабого присутствия в сознании абсолютного большинства участников восприятия себя в статусе «гражданин России/мира»;
- в обобщенной иерархии ценностей этноса язык занимает только 4-е место, тогда как в случае N – 1-е;
- отношение к имени обусловлено ее жизненной философией-установкой на то, что ей дана миссия быть проводником между этносом и другими этносами (никто из 226 испытуемых подобным образом не толкует свое имя);
- положительное восприятие внешности (всего 70 % ии.) здесь обосновывается интересным условием превращения внешности в более привлекательную;
- если в целом у участников эксперимента притязания на социальное признание достаточно низкие (ожидают признания со стороны знакомых в 55 случаях, группы – в 31, республики – в 24, страны – в 16, международного сообщества – в 6), то в рассматриваемом случае они простираются до Вселенной, однако не в географическом аспекте, а в более философской интерпретации онтологии бытия человека; при этом указывается на взаимообусловленность социального признания и традиционно-сдержанного и закрыто-

го поведения, которое также хорошо согласуется с универсальным поведением современного человека, будучи неким эталоном и сегодня.

Следует отметить, что индивидуальная и обобщенная картины мира пересекаются в самовосприятии, которое определяется на ценностно-мотивационном относительно этнического статуса уровне, и полное ассоциирование себя с представителем бурятского этноса.

Теперь представим переводчиков разных категорий – осведомленного и неосведомленного в том, насколько типичные для бурята образы и схемы познания внешнего мира, в частности в аспекте социального признания, присущи автору N, если нет, то в чем состоит разница мировидения. Перед переводчиком, к примеру, ставится задача перевести рассказ-воспоминание писательницы о занятии обработки и доведения до готовности шкуры ее одымлением после работы кожемялки (ниже представлен фрагмент рассказа и авторизованный перевод):

... *Үзэг бэшэг таниха болоходом, энэ ажал тиймэшье шэлээтэй, хашартай бэшэ шэнги болоо хэн. Утаанайнгаа нэгэ жэгэдэ гарасые тухайлан, түни түбшэхэн номоол уншажа һуухаб. Хаа-яанинь оршон дайдая һайхашаан харахаш. Баруун хадам түрэлһөө түрэл таабайм мэтэ духаяа мэлиилгэн милайхадал гэхэ. «Һуу, һуу, һууһан хүн һууряа олохо», – гэхэндэл. «Яба, яба, ябаһан хүн яһа зууха» гэжэ ном соо бэшээтэй байнал гээд һанаандаа һөөргэдэхэб. «Һууха, ябахашни – саг сагтаа, тэсэбэритэйл һаа, тэбэри олзо олохош», – гээд, Баруун хадам дам маһалзаха.*

'... А когда я научилась читать, это занятие не стало казаться скучным и тягостным, как раньше. Следя за одымлением, сию спокойно и читаю книги. Временами люблю природой. Гора Баруун, как близкая родня, сидит, как мой дед, выставив свой лоб, с довольным видом. Будто говорит: «Сиди, сиди, кто сидит – место свое найдет». Я безмолвно возражаю: «А вот в книге написано: «Ходи, ходи, кто ходит – тому прибыль придет». «Сидеть, ходить – всему свое время. Было бы терпение, охапку желаемого получишь», – выносит свой вердикт гора Баруун.'

Абстрагируясь от вопроса слабой степени переводимости парных лексем с фоносемантическим слогом соединения (*түни түбшэхэн номоол...* 'букв. скромно-уравновешенно все ту же книгу...', *хаа-яанинь оршон дайдая* 'букв. урвав немного его времени; пространство-дали', *мэлиилгэн милайхадал* 'букв. лоснясь, широко выступая', *дам маһалзаха* 'букв. еще больше принимать глупо-радостный вид'), которые вкупе указывают на традиционно-холистическое восприятие персонифицируемого внешнего мира в целом, проанализируем, имеются ли индикаторы, указывающие на индивидуальность восприятия в частности, например, ощущение себя и своего места в этом пространстве.

Переводчик, не знакомый с подобными анкетными данными, с биографией автора, с основными донесениями и назиданиями ее произведений, не

задумается над вопросом, почему ей, еще маленькому человечку, было столь важно задумываться о том, как лучше жить – пассивно, терпеливо сидя в одном месте, или активно, передвигаясь в пространстве. Он не распознает в этих строках процесс формирования чуть иной концептуальной картины мира отправителя оригинала, потому просто переведет текст, не погружаясь в ментальный этап предпереводческого и переводческого процесса. Имея же релятивизированные данные, другой переводчик хорошо осознает и поймет, *почему, по каким основаниям* (артефакт 3 по Коулу) она описывает события именно так, а не иначе: она думает по-другому в соответствии с миссией быть проводником между этносом и Вселенной, а не быть песчинкой, похожей на миллионы других, в окружающем континууме.

Заключение

Как видно, экспериментальная методика выявления этнического самосознания достаточно детально эксплицирует схемы физического и ментального поведения субъектов. Как известно, мышление не бывает анархичным: оно детерминируется: а) макрокультурными ориентирами (относительной константой); б) микрокультурными ориентирами (динамичной константой); в) контекстуальными ориентирами (прагматической переменной).

Эксперименты дают данные о первых двух ориентирах (здесь представлены фрагменты обобщенной и индивидуальной картины мира в аспекте этнического самосознания), на основе которых переводчику легче декодировать прагматику исходного сообщения. При наличии конкретных данных о концептуальном содержании обыденного сознания автора исходного текста переводчик не будет интерпретировать смыслы и донесения произведения через собственные способы восприятия внешнего мира. Попутно отметим, что константа всегда относительна в связи с тем, что все в этом мире, в том числе ментальном, быстро изменяется, соответственно, психолингвистические результаты валидны максимум на 25 лет – период времени на смену поколений. Как впереди указано, переводчик осуществляет дальнейшую релятивизацию уже микрокультурных ориентиров, знакомясь с биографией автора, основными трудами и/или достижениями другого плана, обзорами его деятельности, комментариями читателей, тем самым достигая выявления мировидения автора на атомарном уровне.

Моделирование ментальной части декодирования и перекодирования сообщения, которая представляет собой многогранную и неоднозначную деятельность, является сегодня ключевой проблемой теории перевода. Мы лишь наметили возможные пункты приближения к алгоритмизации переводческого опосредования культур, основываясь на опытах психолингвистических экспериментов.

Список литературы

1. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.: Изд-во Ин-та психологии РАН: Академический проект, 1999. – 320 с.
2. Дугарова Т.Ц. Глобальные вызовы: этническое самосознание бурят. – М.: Прометей, 2010. – 160 с.
3. Сорокина Н.В. Stereotype in der interkulturellen Kommunikation: учеб.-метод. пособие. – Чита, 2012. – 56 с.
4. Сорокина Н.В. Релятивистский подход к проблеме национальных стереотипов в педагогическом контексте // Вестник ЗабГУ. – 2013. – № 08 (99). – С. 46–54.
5. Беньямин В. Задача переводчика: предисловие к переводу «Парижских картин» Бодлера // Маски времени. Эссе о культуре и литературе. – М.: Симпозиум, 2004. – С. 27–46.
6. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / пер. с нем., общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
7. Деррида Ж. Письмо и различие / пер. с фр. Ю. Кралечкина. – М.: Академический проект, 2000. – 495 с.
8. Рикер П. Парадигма перевода [Электронный ресурс]. – URL: http://read.newlibrary.ru/read/riker_p_/page0/trudy.html (дата обращения: 12.06.2018).
9. Красильникова В.Г., Сорокин Ю.А. Русские художественные версии двух текстов Джима Моррисона // Язык. Сознание. Коммуникация. – 1998. – Вып. 5. – С. 12–18.
10. Сорокин Ю.А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. – М.: Гнозис, 2003. – 160 с.
11. Фефелов А.Ф. Семантика и прагматика взаимодействия британской и китайской культур в поликодовом тексте документального фильма // Вестник Новосибир. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – Т. 14. – Вып. 4. – С. 60–79.
12. Бурно М.Е. О характерах людей (психотерапевтическая книга). – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2008. – 639 с.
13. Семиосфера бурятского языка. Дескрипция и прескрипция / П.П. Дашини-маева, Г.-Х.Ц. Гунжитова, О.А. Дареева, Л.Ц. Санжеева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2018. – 192 с. – DOI 10.18101/978-5-9793-1296-5.
14. Мухина В.С. Проблемы генезиса личности: учеб. пособие к спецкурсу / Моск. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина. – М., 1985. – 103 с.
15. Мухина В.С. Возрастная психология. Феноменология развития. – 10-е изд., перераб. и доп. – М., 2006. – 608 с.

References

1. Stefanenko T.G. Etnopsikhologiiia [Ethnopsychology]. Moscow, Institute of Psychology RAS, Akademicheskii proekt, 1999, 320 p.
2. Dugarova T.Ts. Global'nye vyzovy: etnicheskoe samosoznanie buriat [Global challenges: Buryats' ethnic self-consciousness]. Moscow, Prometei, 2010, 160 p.
3. Sorokina N.V. Stereotype in der interkulturellen Kommunikation [Stereotypes in intercultural communication]. Chita, 2012, 56 p.

4. Sorokina N.V. Relativistskii podkhod k probleme natsional'nykh stereotipov v pedagogicheskom kontekste [Relativistic approach to the problem of national stereotypes in pedagogical context]. *Vestnik ZabGU*, 2013, no. 08 (99), pp. 46–54.

5. Benjamin W. Die Aufgabe des Übersetzers: Art Vorwort zu Übersetzungen von Charles Baudelaires “Tableaux Parisiens” (Russ. ed.: Ben'iamin V. Zadacha perevodchika: predislovie k perevodu “Parizhskikh kartin” Bodlera. *Maski vremeni. Esse o kul'ture i literature*. Moscow, Simpozium, 2004, pp. 27–46).

6. Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode: Grundzüge einer philos. Hermeneutik (Russ. ed.: Gadamer Kh.-G. Istina i metod: osnovy filosofskoi germenevtiki. Ed. B.N. Besonova. Moscow, Progress, 1988, 704 p.).

7. Derrida J. L'écriture et la différence (Russ. ed.: Derrida Zh. Pis'mo i razlichie. Moscow, Akademicheskii proekt, 2000, 495 p.).

8. Ricœur P. Le paradigme de la traduction (Russ. ed: Riker P. Paradigma perevoda, available at: http://read.newlibrary.ru/read/riker_p_/page0/trudy.html (accessed 12 June 2018).

9. Krasil'nikova V.G., Sorokin Iu.A. Russkie khudozhestvennye versii dvukh tekstov Dzhima Morrisona [Russian literary versions of two texts by Jim Morrison]. *Iazyk. Soznanie. Kommunikatsiia*, 1998, iss. 5, pp. 12–18.

10. Sorokin Iu.A. Perevodovedenie: status perevodchika i psikhogermenevticheskie protsedury [Translation studies: Translator's status and psychohermeneutic procedures]. Moscow, Gnozis, 2003, 160 p.

11. Fefelov A.F. Semantika i pragmatika vzaimodeistviia britanskoi i kitaiskoi kul'tur v polikodovom tekste dokumental'nogo fil'ma [Semantics and pragmatics of British and Chinese cultural interactions in multimodal text of a documentary]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, 2016, vol. 14, iss. 4, pp. 60–79.

12. Burno M.E. O kharakterakh liudei (psikhoterapevticheskaiia kniga) [On the characters of people (psychotherapeutic book)]. 3rd ed. Moscow, Akademicheskii Proekt, 2008, 639 p.

13. Dashinimaeva P.P., Gunzhitova G.-Kh.Ts., Dareeva O.A., Sanzheeva L.Ts. Semiosfera buriatskogo iazyka. Deskriptsiia i preskriptsiia [Semiosphere of the Buryat language. Description and Prescription]. Ulan-Ude, Buryat State University, 2018, 192 p. DOI 10.18101/978-5-9793-1296-5.

14. Mukhina V.S. Problemy genezisa lichnosti [Problems of personality genesis]. Moscow, Lenin Moscow State Pedagogic Institute, 1985, 103 p.

15. Mukhina V.S. Vozrastnaia psikhologiiia. Fenomenologiiia razvitiia [Age-related psychology. Development phenomenology]. 10th ed. Moscow, 2006, 608 p.

Сведения об авторах

ДАШИНИМАЕВА Полина Пурбуевна
e-mail: pdash@bsu.ru

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры перевода и межкультурной коммуникации, Институт фило-

About the authors

Polina P. DASHINIMAEVA
e-mail: pdash@bsu.ru

Doctor of Philology, Professor, Department of Translation and Intercultural Communication, Institute of Philology, Foreign Lan-

логии, иностранных языков и массовых коммуникаций, Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова (Улан-Удэ, Российская Федерация)

САНЖЕЕВА Лариса Цырендоржиевна
e-mail: *lsanzhe@mail.ru*

Доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка и лингводидактики, Институт филологии и массовых коммуникаций, Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова (Улан-Удэ, Российская Федерация)

ЯЗЫКОВА Наталья Витальевна
e-mail: *yazykova-n@mail.ru*

Доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики обучения английскому языку и деловой коммуникации, Московский городской педагогический университет (Москва, Российская Федерация)

guages and Mass Communications, Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude, Russian Federation)

Larisa Ts. SANZHEEVA
e-mail: *lsanzhe@mail.ru*

Doctor of Philology, Associate Professor, Department of English and Linguodidactics, Institute of Philology, Foreign Languages and Mass Communications, Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude, Russian Federation)

Natalya V. YAZYKOVA
e-mail: *yazykova-n@mail.ru*

Doctor of Pedagogy, Professor, Department of English Language Teaching Methodology and Business Communication, Moscow City University (Moscow, Russian Federation)